

1860г

А. Е. МАРТИНОВ.

С чувством искренней, глубокой печали беру съ я за перо, чтобы говорить о незаменимой потере, которую понесло драматическое искусство: 16-го августа скончался в Харькове, на 40 году от рождения, один из первых артистов Европы, А. Е. Мартынов. Весть эта без сомнения огорчит всякого, кто видел игру его /а кто ее не видел?/. Печальное поминанье гениальных русских людей, рано покинувших жизнь, увеличилось еще одним именем, которое сделалось дорогим всей России.

Мартынов был воспитан в петербургском театральном училище, откуда выпущен, сколько припомню, в 1836 году. Он начал свое поприще, когда русская труппа по справедливости могла гордиться талантами, ее составлявшими. Первым номером был тогда знаменитый Дюр, этот Протей сцены, комик, певец, музыкант, занимавший такие разнообразные амфиуа, что по смерти его пять или шесть даровитых артистов не могли разделить между собою вполне наследство его репертуара. Не смотря на такое соперничество и на то, что Мартынов часто ограничивался тем, что ДУБЛИРОВАЛ ДЮРА в некоторых ролях, молодой дебютант успел и сам тогда создать несколько ролей, поставивших его на первый план, между лучшими талантами труппы. Он сделался любимцем публики, главной надеждою сцены, которой сделался потом лучшим украшением и славой.

Я помню Мартынова в этот первый, юношеский период его сценической карьеры. Он играл самые забавные роли в водевилях и небольших комедиях. Хохот не умолкал в театре, когда он был на сцене. В нем были гениальные зародыши всех тех качеств артиста, которые развились в нем потом так широко. В числе его особенностей бросались в глаза: невозмутимое хладнокровие, с которым он, где требовалось, говорил и делал самые уморительные вещи, и необыкновенное искусство гримироваться. Без привычки зритель иногда не узнавал его при выходе на сцену, хотя уже видел его в тот же вечер в какойнибудь роле. Никогда не забуду я впечатления, испытанного мною, когда мне в первый раз показали на улице стройного, довольно красивого юношу и сказали, что это Мартынов, которого я видал на сцене в ролях разных чудаков, стариков ит.д. Превращение это казалось совершенно невероятным.

Дюр умер в мае 1839 года, и Мартынов остался без соперника. С этих пор начинается его настоящая известность, наконец его слава, которая облетела почти всю Россию. На глазах нашего поколения выросло и окрепло это гениальное дарование; с ним связаны воспоминания лучших дней нашего театра, память о золотой поре молодости и увлечения сценическим искусством. Без Мартынова, в театре и праздник бывал не в праздник. И он играл неутомимо, почти всякий день, играл что попало, в угоду всякому бенефицианту, по две, по три новые роли в неделю. Кто выход на сцену спасал все, обвораживал частое неудовольствие публики на нелепость пьес. Роли его бесцельны и по большей части какие роли! Играл их, заучивая их наскоро, зная наперед, что придется их исполнить не более двух, трех раз и опять приниматься за такой неблагоприятный труд, чего стоило артисту удержаться от искушения удариться в фарс или рутину! Все это не мешало Мартынову выработать свой великий дар, сделаться истинным, высоким художником.

Странное дело! Мы имели и имеем не мало превосходных комических актеров, но между ними я знаю только о двух, которые обладали ВЕСЕЛОСТЬЮ, т.е. таких, которые невольно высказывали на сцене

что их самих веселит то, что они делают и что говорят на сцене. И эти два артиста не чисто русские по происхождению: я говорю о покойном Дюре и бесценном В.И. Живокни, которого в этом роде никто не заменит. Видно, чисто-русская натура точно несклонна к безотчетному веселью. Мартынов, заставлявший так искренно и добродушно смеяться сотни тысяч людей в течение четверти века, не принадлежал к этому разряду талантов; за то он обладал комизмом другого рода, столь хорошо известным всякому, кто его видел хоть раз; за то он сделался великим художником в драме.

Нечего говорить, что Мартынов много трудился над своим искусством. Но при множестве пустых ролей, выпадавших на его долю, он часто не мог ими заниматься и играл по вдохновению. Такт его был так тонок и чуток, что он не только спасал кое-как пьесу от немедленного падения, но нередко бессознательно создавал из пустяков в целые характеры. Приведу в пример один случай, который пришел мне на память. Лет пятнадцать тому назад, покойный Н.А. Линдфорс написал по просьбе покойной Е.Я. Сосницкой, для ее бенефиса, водевильчик: "Приключение в Полдострове". Мартынов играл в нем роль начальника отделения, с комической важностью пирующего на даче у своего подчиненного и гордо говорящего свысока, закусывая чубук, который не выпускал из рук. Игре его была просто великолепна, даже для него. На другой день я не мог удержаться, чтобы не выразить ему своего восторга. Он засмеялся и признался мне, что не имел времени выучить роль и полагая, что пьеса не доживет до третьего представления, при выходе на сцену взял трубку, чтобы куря ее, тянуть речь и половче слушать суфлера. Между тем это незначительное обстоятельство дало его роле тоттон, попав на который, создал тут же Мартынов бесподобнейший тип. Пьесу ездили смотреть весь Петербург, ее давали по требованию публики, и она удержалась в репертуаре до сих пор.

Появление пьес г. Островского и новейших писателей, обратившихся за содержанием своих пьес к русской жизни, дало новое направление таланту Мартынова. Весною Москва видела его в ролях этого нового репертуара. Общий восторг публики встретил и проводил петербургского гостя. Впечатление, им произведенное, еще так свежо, что говорить о его игре было бы совершенно излишним. Мартынов давно уже страдал недугом, для лечения которого ездил два раза за границу. Я не видел его с ним лет шесть и был поражен его болезненным, изнуренным видом, когда встретился с ним в Москве. "Он не жилец", сказала я сам себе, глядя с горестью на доброго приятеля своей молодости, на великого артиста, которого развитию я был так много свидетелем. Предчувствие мое, к несчастью, оправдалось. Прошло три месяца, и он в могиле, куда уже сошли многие из тех, которые окружали его при начале его поприща: Асенкова, Степанова, Сосницкая, Гусева, Дюр, Каратыгин, Брянский. Все эти артисты, которым столько людей обязано наслаждением и отрадой!

Говорят, что участь актера печальна тем, что он не оставляет после смерти следов в потомстве, как живописец, ваятель и др. Да утешатся артисты по крайней мере тем, что память о них остается жива в тех, кто их знал, кто ценил их, и кого они знали и ценили. Завиден и этот удел! Небесное пение Рубини будет слышаться всеми нами в сладкие и горькие минуты нашей жизни. Честный смех, который возбуждал Мартынов, не забудется никем из нас, и вспоминая его, мы отдохнем душою от жизненных дрязгов и тревожений.

МИХАИЛ ЛОНГИНОВ.

Москва, 19-го августа 1860 г.

/"Московские ведомости", 1860, № 182, стр. 1411.